

AMY MCLELLAN

**REMEMBER
ME**

ЭМИ МАКЛЕЛЛАН

**ВСПОМНИ
МЕНЯ**

**МОСКВА
2020**

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
М15

Amy McLellan
REMEMBER ME

© 2019 Amy McLellan. First published
by The Orion Publishing Group, London

Школа перевода
В. Баканова

В оформлении переплета использованы фотографии:
© Rawpixel.com, Anna Demianenko, elenavolf / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Маклеллан, Эми.
М15 Вспомни меня / Эми Маклеллан ; [перевод с англ-ийского А. Пузанова]. — Москва : Эксмо, 2020. — 384 с.

ISBN 978-5-04-113078-7

Полиция находит жестоко убитую Джоанну Бейли, а рядом с ней — ее сестру Сару. Та не может предоставить убедительное алиби; она психически нестабильна и страдает прозопагнозией — неспособностью различать человеческие лица. Все улики указывают на Сару, но она утверждает, что сестру убил неизвестный мужчина, вломившийся к ним в дом. Сара уверена, что кому-то было выгодно подставить ее и обвинить в смерти Джоанны. Но поверит ли полиция словам женщины, не различающей лица, страдающей приступами агрессии, зависимой от психотропных веществ и имеющей темное прошлое? Сара должна найти преступника сама...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-113078-7

© Пузанов А., перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ГЛАВА 1

Все выглядят одинаково — вот в чем проблема сериалов, действии которых происходит в неопределенные стародавние времена. Бороды, всклокоченные волосы, грязноватые наряды, и в результате одного пламенного заговорщика не отличить от другого. Даже аристократам, выделяющимся меховой оторочкой одежд и большим количеством реплик, не мешало бы хорошенько помыться.

Я делюсь своим наблюдением с Джоанной. Та отвечает драматическим вздохом. Она терпеть не может, когда я влезаю с каким-нибудь замечанием, но у меня просто не хватает выдержки, особенно если вижу дыру в сюжете. После знакомства с первоисточником экранизации это сразу воспринимаешь как личное оскорбление. Странно, что Джоанна, член книжного клуба и заядлая любительница чтения, как написано в ее профиле на сайте знакомств, не разделяет моего отношения.

Я подливаю себе еще вина и ловлю ее брошенный искоса взгляд. Мне вообще-то нельзя, однако порой я чувствую, что это необходимо — хочется ощутить себя человеком. И потом, почему ей можно пить, а мне нет? Иногда она бывает такой бесчувственной...

Появившийся в кадре очередной чумазый боец шепчет что-то на ухо благородной даме.

— Кто это?

— Ты ведь вроде бы читаешь?

Я поднимаю бровь, но все же возвращаюсь к своей книге. Заново перечитываю абзац, однако ерундовый любовный роман слишком скучен, и я опять смотрю на экран. Может, хоть драконы появятся?.. Нет, сплошные вояки, шепчущиеся в темных комнатах.

— А это кто? — снова не выдерживаю я.

— Господи, Сара, ты серьезно?

Ну я же не виновата, что не могу уследить за сюжетом! Я честно пытаюсь, а Джоанна так раздражается, словно я влезаю в разговор настоящих живых людей. Она предпочла бы, чтобы я поднялась к себе и оставила ее спокойно смотреть телевизор, но разве это справедливо по отношению ко мне? Интересно, в кого из героев она влюблена? В вояку или в пламенного заговорщика? А может быть, в женщину? От Джоанны всего можно ожидать. В чем-то моя сестра как закрытая книга.

Я протягиваю руку за бутылкой с остатками риохи, когда за окном раздается хруст гравия и мелькает чей-то силуэт.

— Он как здесь оказался? — бормочет Джоанна, раздраженно встряхивая головой, и с тяжелым вздохом поднимается с дивана. — Видимо, открывать придется мне?

Я пожимаю плечами. Мы обе знаем, что я не могу встречать гостей, тем более заходящих через заднюю дверь — то есть кого-то из знакомых. С чужими проще, хотя и ненамного. Я теперь вообще не особо коммуникабельна.

Всем своим видом выражая недовольство, Джоанна выходит из комнаты. Этим надо немедленно воспользоваться. Прощай, Вестерос, здравствуй, «Радио Классика». Торжествуя, я возвращаюсь на диван, омываемая волнами музыки Дебюсси, и поднимаю бокал с остатками риохи в честь неведомого посетителя. Кто успел, тот и съел —

так-то, сестренка. И пусть сколько угодно теперь ворчит и брюзжит.

Однако Джоанна задерживается, и мой триумф блекнет. Что происходит? Мне удастся уловить голоса. О чем они там шепчутся? Может, это свидание? Тайный воздыхатель? Неужели она опять вернулась к знакомствам через интернет? Ведь зарекалась после того унижения с Казановой на пенсии. Впрочем, у нее сплошные секреты... Поэтому она позволяет мне пить — чтобы я не заметила, как она с кем-то встречается у меня за спиной? Я же все равно никому ничего не смогу рассказать...

Поднося бокал к губам, чтобы сделать последний глоток, я вдруг слышу непонятный грохот и вскрик Джоанны. Низкий мужской голос, скрежет ножек стула по полу... Потом все стихает. Я судорожно перебираю в голове все оправдания тому, чтобы не вмешиваться — не первый раз я все понимаю неправильно и реагирую невпопад. Не хватало ворваться и застать сестру в страстных объятиях таинственного незнакомца.

Осторожно поднявшись с дивана, я сбрасываю тапочки и бесшумно ступаю по ковру в одних носках. Радио продолжает играть. Под прикрытием взрыва рекламы я приоткрываю скрипучую дверь и как заправский сыщик прокрадываюсь в холл. Здесь все залито ярким светом, на крючках висят наши цветастые куртки, на стене ужасная картина маслом, которую Джоанна купила в женском клубе... Все мои страхи сразу кажутся полной глупостью. Меня едва не разбирает смех от всплывшей вдруг в памяти рекламы из времен нашего детства, как взрослый мужчина в полосатой пижаме тайком, на цыпочках пробирается в кухню за газировкой. Вот ведь застревает в голове какая-то чушь, когда столько всего исчезло оттуда бесследно...

Я уже собираюсь вернуться обратно в комнату и оставить Джоанну наедине с тайным любовником, когда вновь

слышу ее стон. Следом раздается страшный грохот и крик, в котором явно звучит страх, а не страсть.

Взвинченная и готовая на все, насколько это для меня возможно, я распахиваю дверь. И замираю перед открывшимся ужасом, теряя драгоценное время. Пол усеян битым стеклом, везде следы отчаянной борьбы. На кухонном стуле, безвольно обвиснув в связывающих ее путах, проигравшая — женщина в желтом кардигане. Это моя сестра. Из глубокой раны на лбу сочится кровь, призрачно-бледное лицо покрыто капельками пота. В широко раскрытых глазах ужас, она силится что-то сказать, но ее рот заткнут какой-то тряпкой.

Сзади вдруг раздаются шаги, и меня обхватывают сильные руки. Мой вопль тут же прерывает сдавившее горло предплечье. Я безуспешно вцепляюсь в него, пытаюсь сопротивляться, однако напавший слишком силен. Он тащит меня к сестре, ее наполненные страхом глаза все ближе. Она дергается на стуле, стараясь освободиться. Давление усиливается, я отчаянно борюсь за один-единственный жизненно необходимый мне вдох. Глаза застилают слезы, ноги молотят в воздухе, никак не попадая в цель, пальцы тщетно пытаются ослабить мертвую хватку на шее. Паника нарастает — я понимаю, что эти жалкие и бесполезные потуги могут стать последними в моей земной жизни. Пытаюсь собрать последние силы, но они утекают, как вода сквозь пальцы. Смерть совсем близко.

На мгновение становится немного легче, пока нападающий перехватывает мое правое запястье, сжав его словно в тисках. Я судорожно успеваю втянуть совсем чуть-чуть воздуха, и тут же рука вновь сдавливает мне горло, а другая вздергивает мою кисть, так что она задевает щеку Джоанны, царапая ногтями влажную кожу. Наши взгляды встречаются, сестра силится что-то сказать, но ей мешает эта ужасная тряпка. Я едва могу видеть сквозь завесу

ВСПОМНИ МЕНЯ

слез и сгущающуюся по краям поля зрения черноту. Все кажется далеким и размытым, как будто я смотрю откуда-нибудь со дна озера. Мир сужается до одной-единственной точки, до какого-то сантиметра моей гортани, нещадно передавленного мертвой хваткой, до так необходимого глотка воздуха. Последние мгновения моей жизни отражаются в расширенных от ужаса глазах Джоанны...

Черная пелена уже почти полностью заволакивает все вокруг, когда напавший вдруг отпускает меня. Я валюсь на колени, воздух трудно наполняет изголодавшиеся легкие, из глаз неостановимо текут слезы. Я жива! Безвольно уткнувшись лбом в пол, я жадно дышу и не могу отдышаться. Наконец я со страхом поднимаю глаза на того, кто это сделал. Надо мной нависает высокий мужчина в черной кофте с капюшоном. Нижняя часть лица закрыта лоскутом черной ткани, как у байкера, с натуралистичным изображением нижней части черепа — словно рентгеновский снимок зубов и челюсти, что только добавляет ужаса. Внутри у меня все обрывается. Я понимаю, что с этим человеком в наш дом вошла сама смерть, и только я могу его остановить. Схватив единственное оружие, попавшее под руку, — осколок стекла — я делаю выпад, целя прямо в лицо. Однако у мужчины хорошая реакция, и он без труда уворачивается от моей атаки. Стекло глубоко впилось в ладонь, но я снова выбрасываю ее, скользкую от теплой крови, вперед. На этот раз мне почти удается сорвать эту ужасную маску. Звучит притворный маниакальный смех, сильная рука стремительным движением перехватывает мое запястье и заламывает за спину. Мышцы и сухожилия буквально вопят от боли, я изгибаюсь всем телом, пытаюсь высвободиться. Удар коленом в живот вышибает из меня дух, и я бессильно валюсь на пол.

Мужчина встает перед Джоанной, его рука в перчатке сжимает нож — наш, для резки мяса, с розовой ручкой, ко-

торый сестра заказала в телемагазине. Я ползу, отчаянно перебирая руками и ногами, чтобы остановить убийцу, но он слишком быстр, а нож слишком острый. Джоанна успевает лишь издать изумленный низкий стон, а кровь — е кровь — уже стекает с лезвия и собирается на полу темной лужицей. Мужчина отступает на шаг, чтобы полюбоваться содеянным. Я бросаюсь к сестре. Сколько же крови! В воздухе разливается медно-сладкий запах. Я пытаюсь остановить ее, но она пульсирующими толчками течет мне на ладони. Руки убийцы обхватывают меня сзади и тащат прочь от умирающей. Мои ноги молотят в пустоте, пытаюсь найти точку опоры. В считанные секунды он выносит меня в коридор и толкает к лестнице. Хватаясь за стену, я оставляю кровавый отпечаток ладони на картине. «Джоанна будет в ярости», — мелькает мимолетная мысль. Тяжелый ботинок с силой бьет в поясницу, и мои ноги подгибаются, как у пьяной. Голова, ударившись о нижнюю ступеньку, падает на паркетный пол, череп отзывается взрывом боли. Вновь слышится смех убийцы, затем все пропадает — и свет, и звук, — и я погружаюсь в непроглядную тьму.

ГЛАВА 2

По голове то ли бьют молотом, то ли ввинчивают в нее бурав, то ли сжимают ее тисками. Не знаю, что именно с ней делают, но страдание все сильнее и сильнее. Я ничего не вижу. Есть только боль — оглушающая, ослепляющая, заслоняющая весь мир завесой «белого шума». Хочется только одного — чтобы это прекратилось.

С трудом приоткрываю слипшиеся веки. Все вокруг качается и кренится. Накатывает дурнота, и я снова за-

ВСПОМНИ МЕНЯ

крываю глаза. Боль такая, что я почти слышу ее. Да, скорее молот — в голове у меня словно забивают сваи. Даже дышать мучительно, каждый вдох будто обжигает горло.

Попытка пошевелиться вызывает раскаленную добела вспышку в мозгу, которая прокатывается по всему позвоночнику. Шум вроде бы стихает. Я открываю глаза и жду, чтобы все вокруг перестало кружиться. Я лежу на полу, неудобно скрючившись. Одна рука затекла, ноги выше колена протестующе ноют. Скребу пальцем по полу — дерево, ковра нет. Значит, я в холле, у лестницы. Не удержалась на ступеньках? А где же Джоанна? Уже ушла на работу? Я перекатываюсь на бок, высвободив бесполезно болтающуюся, будто резиновую, руку. Что все-таки случилось, почему я здесь? Почему сестра мне не поможет? По венам холодной струей ужаса разливается адреналин — у нас что, опять вышла стычка? Я внутренне съезживаюсь от осознания своей вины и испускаю стон. Виновата, конечно, только я...

Зажмурившись, я пытаюсь глубоко дышать вопреки боли и дурноте, но внутри черепа вновь начинает стучать молот. Я открываю глаза, моргая от яркого света. Грохот не прекращается. Нет, это не только у меня в голове, это где-то снаружи. Снаружи... Меня вдруг сковывает страх, сердце в груди колотится как бешеное. Снаружи... Я вспоминаю теперь, почему я здесь, на полу. Почему у меня все болит. Это стучат в дверь. Убийца вернулся!

Я заставляю себя сесть. Голова раскалывается от боли, горло дерет от каждого вдоха. Убийца здесь, он колотит в дверь. Из последних сил я ползу в кухню. Нужно найти Джоанну. Вчера она пострадала, и сегодня моя очередь ее защитить.

На стене кухни висит телефон. Рванув длинный витой шнур, я сбрасываю вниз трубку. Нужно позвонить

в полицию, но рука, на которой я лежала, по-прежнему отказывается слушаться — кровообращение еще только восстанавливается. Я кое-как пытаюсь набрать номер, горячие слезы застилают глаза... И тут я вижу Джоанну. Она лежит на полу, спиной ко мне, в темной луже.

Царапая ладони и колени осколками, я ползу туда, каждой клеточкой тела моля об одном: Господи, пожалуйста, пусть только окажется жива, Господи! Пол липкий на ощупь, и Джоанна лежит не шевелясь. Я трогаю ее за плечо, потом касаюсь лица... Кожа холодная. Я снова хватаюсь за телефон. Длинные гудки, наконец словно доносящийся издалека голос. «Полиция! Быстрее, прошу вас!» — хриплю я в трубку.

Грохот снаружи все сильнее, словно дом пытаются взять штурмом. Я пытаюсь поднять голову Джоанны, лежащую на твердом полу в засохшей крови, к которой прилипли светлые завитки волос, но не могу — слишком тяжело. Пальцы натываются на что-то холодное и острое, и ладонь инстинктивно сжимается вокруг оружия. Я больше не позволю причинить нам вред. Когда дверь наконец распаивается, не выдержав напора, я лежу, прижимаясь к сестре, пытаюсь влить свою жизненную силу в холодное неподвижное тело.

Стекло хрустит под ногами. Голоса — мужские и один женский. Я вцепляюсь в Джоанну, скуля от страха. Стыдно так вести себя рядом с мертвой, но я не хочу умирать, я еще почти и не жила!

— Сюда! — произносит один из мужчин.

Я вздрагиваю. Все мои чувства обострены до предела. Слышится шарканье по паркету, и мои пальцы вжимаются в металл. Я больше не позволю причинить нам вред.

— Боже мой! — восклицает кто-то. Голос кажется мне знакомым.

ВСПОМНИ МЕНЯ

— Уберите его! — А этот я не знаю.

Снова шум шагов, потрескивание рации...

— Сара? Вас ведь зовут Сара, так? — мягко обращается кто-то ко мне. Женщина.

Подняв лицо от волос Джоанны, я сощуриваюсь. Полицейская униформа! Слава богу!

— Скажите, Сара, в доме есть еще кто-нибудь?

Я облизываю растрескавшиеся губы.

— На нас напали. Мужчина. — Говорить больно. — Вчера вечером.

Женщина оборачивается — за ней стоит еще один полицейский, с широкими плечами. Кивнув, он выходит из кухни. Я слышу, как он открывает и закрывает двери, тяжело ступая, поднимается по лестнице, потом сдвигает в сторону створку шкафа в комнате Джоанны — там надо дернуть и приподнять...

— Все чисто, — доносится сверху.

Где-то вдали слышны сирены. Снаружи звучат новые голоса. Голова раскалывается, вокруг все плывет... Меня рвет на пол, прямо под ноги. Судороги боли волной прокатываются по всему телу.

— Сейчас, Сара. Мы вызовем помощь.

Женщина поднимает рацию ко рту. Совсем молодая, на лице не видно ни единой морщинки, даже без макияжа. Волосы светлые, но отросшие корни выдают естественный цвет. Фигура скрыта мешковатой униформой. С внутренней стороны запястья мелькает небольшая татуировка ангельских крыльев.

Кто-то, подняв телефонную трубку, говорит в нее:

— Все нормально, мы уже на месте.

Снова шаги. Вернувшийся широкоплечий полисмен оглядывает кухню, и его глаза останавливаются на мне. Он расставляет руки, словно приближаясь к загнанному в угол зверю.

— Та-ак, Сара, — произносит он мягким, убеждающим тоном, — положите-ка ножик.

Женщина-полицейский отступает на шаг, только теперь увидев, что у меня в руке. Я высвобождаю нож с розовой ручкой из-под волос Джоанны и замечаю на нем засохшую черную кровь. Ее кровь. Нож выпадает у меня из руки, и меня скручивает новый приступ, хотя рвать уже нечем.

— Вот так, умница, — произносит здоровяк, словно я маленькая девочка.

Сирены смолкают. Дом наполняется новым шумом шагов, новыми голосами. Люди в форме — полицейские, парамедики — застывают в дверях, глядя на меня и Джоанну. Их лица бесстрастны, но я знаю, о чем они все думают — что это я убила свою сестру.

ГЛАВА 3

Мы не пользуемся столовой с тех самых пор, как уехал Джеймс. Постепенно она превратилась в свалку ненужных вещей: в углу стоят чемоданы, собирает пыль велотренажер Джоанны, и тут же груда одежды, предназначенной для благотворительного магазина. Джеймс готовился здесь к экзаменам, весь обложившись книгами и допоздна засиживаясь за голубовато светившимся в ночи экраном ноутбука. Обеденный стол навсегда сохранил выцарапанные циркулем инициалы и белые кружки от банок с газировкой. После мы долго с умилением смотрели на них — они напоминали о том, что в нашем доме рос ребенок. Разительный контраст с нашим собственным детством, когда за разбитое стекло или испачканную чернилами юбку мать больно шлепала нас, щипала и потом долго не разговаривала. Слава богу,

с возрастом мы не стали на нее похожи — по крайней мере, в этом. Возможно, дело в том, что мы обе слишком много потеряли, чтобы придавать значение таким мелочам, как испорченный стол. К тому же мы никогда им и не пользовались, предпочитая перехватить что-нибудь на кухне либо усесться с подносом перед телевизором или радио. С отъездом Джеймса Джоанна совсем отказалась от семейных обедов. Может быть, дело в моем обществе?

Сейчас здесь холодно. Батареи не включали, наверно, с тех самых пор, как Джеймс сдал экзамены. Под подоконником расплзается пятно сырости. Надо будет сказать Джоанне... Реальность вдруг обрушивается на меня, словно внезапный удар под дых, и я начинаю хватать ртом воздух, как выброшенная на берег рыба.

Кто-то трогает меня за плечо. Я вздрагиваю. Еще один белый защитный костюм. Они по всему дому, словно высадившиеся на другой планете астронавты — бродят, что-то выискивая, переговариваются вполголоса по углам...

— Вы в порядке?

Вопрос задает женщина с короткими черными волосами и миниатюрным личиком. На вид ей лет двадцать, и она похожа на ребенка, который только притворяется кем-то. «Мамочка, сегодня я буду судебным экспертом-криминалистом».

Я киваю. Это как рефлекс. «Не устраивай драмы, Сара, никому не интересно твое притворство», — звучит в ушах мамин голос. Конечно, на самом деле я не в порядке. Какой уж теперь порядок... Снаружи дожидается «скорая»; Джоанну повезут без сирен и мигалок — спешка ей уже ни к чему. У дома куча полицейских, большинство которых просто стоят без дела. Перед входной дверью растянут большой белый тент, словно готовится какое-то зловещее празднество на открытом воздухе, только вместо флаж-